

«Извращённая любовь — это порождение нашего времени. Причём она опаснее любого социального конфликта, если вдруг начинает приобретать глобальные масштабы. В этом случае она затрагивает практически каждую вполне благополучную семью. Сегодня на просторах всемирной паутины можно встретить любую информацию о всех видах разврата. И это совсем не то, что когда-то было воспето музами, отражено в античных статуях и на полотнах мастеров эпохи возрождения. Все материалы находятся в свободном доступе для широких масс, и интернет сейчас проведён даже в колонии строгого режима. Времена жёсткой цензуры давно канули в лету. Хорошо это или плохо? Судите сами. Смотрю из окна второго этажа, и на автобусной остановке отчётливо наблюдаю такую картину. Две весьма симпатичные девушки стоят и о чём-то спокойно беседуют. Но вдруг, ни с того ни с сего, они крепко обнимаются и начинают горячо целоваться. На глазах у уличной толпы они лезут руками под юбки и лапают друг другу интимные места. Они стонут и сплетаются так, как будто бы находятся в закрытом помещении, где никого кроме них нет. Девки прилюдно и по-настоящему трахаются. Они что, плюют на все нравственные нормы и попирают моральные устои? Так и есть. Именно так совокупляются на детской площадке уличные собаки. И мартовские кошки. Те же обезьяны уходят потрахаться куда-нибудь подальше в джунгли. Полицейский вместе с зеваками смотрит на постыдное прелюбодеячество с нескрываемым интересом и ничего не предпринимает. Многие тут же хватаются за телефоны и снимают происходящее на камеру. Одна пожилая дама подходит к блюстителю порядка и пытается убедить его в том, что он должен этот блядский срам немедленно прекратить. На что он гогочет и заявляет, что эти девочки закон не нарушают. Вот если бы они разбили витрину магазина, или распивали в общественном месте спиртные напитки, тогда — совсем другое дело. За ухо — и в отдел. Ну а так — завсегда пожалуйста. По мне, так уж лучше бы обезьяны жрали водку на автобусной остановке. Вот интересно, а смогут ли эти приматы употреблять алкоголь подобно людям?» Из дневника Энн-Мари Фишер. Бывают ли навязчивые сны? Возможно не у всех. А меня постоянно преследует один и тот же. В последнее время — так почти каждую ночь. Восьмое марта. Праздник юной весны и вечной любви. Международный женский день и естественно, выходной. В нашей студенческой общаге по данному поводу фуршет. Изрядно подвыпив, мы сидим вокруг стола и играем в «бутылочку». Староста группы торжественно вручает пустую бутылку самому молодому первокурснику и предлагает ему начать игру. Тот колеблется и некоторое время пребывает в нерешительности. Правила он знает. Окинув взглядом присутствующих, он раскручивает её на столе. Фигурная пузатая бутылка от какого-то импортного пойла крутится на плоской столешнице довольно долго, и наконец её узкое горлышко указующим перстом останавливается чётко напротив меня. Все одобрительно кивают и хлопают в ладоши. Парень в растерянности топчется, затем, с видом идущего на эшафот, плетётся в мою сторону. Я вызывающе смотрю на него. Ну смелее же. Не такая уж я и страшила. Юноша ловит мой взгляд, тут же густо краснеет и отводит глаза в сторону. Наконец он подходит и останавливается как вкопанный в метре от меня. На дальнейшее он неспособен. Его нерешительность начинает действовать мне на нервы, и я сама делаю шаг навстречу. В комнате тесно, и я спотыкаюсь о чью-то торчащую из-под стола ногу. Как назло я на

шпильках, удержать равновесие невозможно, и я, взмахнув руками, опрокидываюсь навзничь. В один прыжок парень оказывается совсем рядом, успевает подхватить меня за талию, и спасает от неминуемого падения. Я благодарна, и смотрю на него уже с восхищением. Его пылающее задорным румянцем лицо приближается ко мне. В следующий миг он целует меня прямо в губы, и я не отстраняюсь. Пусть целует. Ведь праздник же. Да и бутылочка на меня указала. Ну и должна же я его хоть чем-то отблагодарить. Наши губы сливаются в страстном поцелуе и замершая аудитория взрывается аплодисментами. Но тут в моём сне происходит непостижимая перемена. Непонятным образом на месте мальчика-студента вдруг оказывается тётя Тома. Это моя родная тётя, и младшая сестра моей матери.

Её руки крепко обвивают мою шею и губы прижимаются плотнее. Поцелуй всё продолжается, и её язык встречается с моим. Она красивая, моя тётя. Тётя Тома. Царица Тамара. Продолжая меня целовать, она пробирается рукой к моей промежности, и глубоко проникает пальцами в мою пещерку. Мне хорошо, приятно, и я плыву в волнах сексуального блаженства. Всё вокруг приобретает счастливый розовый оттенок. Почему-то там, в своём сне я уверена, что всё происходит в реальной жизни и пробуждаться мне не нужно. Но в этот самый миг я как раз и просыпаюсь. Так происходит всегда. Этот сон обрывается на одном и том же месте.

Продолжения я не знаю. Его попросту не бывает. Тем не менее, его содержание я помню до мельчайших деталей. С ума можно сойти. Неужели эта чертовщина так и будет меня преследовать? Утро. Опять понедельник, и пора вставать. Остатки сна улетучиваются. Надо собираться быстрее, не то опоздаю на работу. Как же я её ненавижу. Но нужно себя перебороть, сделать дежурную приветливую улыбку, и создать подобие рабочего настроя.

Итак, вперёд и с песней. *** Пьянство — вещь вредная не только для здоровья. К несчастью, я поняла это слишком поздно. Курить я приучилась в ёщё в школе, а вот выпивать начала на шумных студенческих пирушках. Вроде бы ничего особенного, но по окончании медвуза я стабильно, по пятницам один раз в неделю напивалась. Жила я одна, потому что моя мать недавно вышла замуж. Она выходила уже в третий раз, и говорила, что теперь у неё всё на полном серьёзе, и настоящая жизнь начинается только после сорока. Она уехала со своим новым избранником куда-то под Тюмень, где он работал нефтяником.

Перед отъездом мать переписала дом на меня. Таким образом, я стала собственницей неплохого домовладения, была единоличной хозяйкой и небедной невестой. И снова, как в былые времена, на горизонте замаячила моя тётя. Она и раньше каждый год приезжала в командировку в наш город, где был главный офис их конторы. С матерью они были родными сёстрами, но тётя Тома была моложе на целых семь лет. Она экономила на гостинице, и проживала всё время у нас до тех пор, пока её командировка не закончится. Сейчас я жила одна, но тётя из-за отсутствия моей матери своим привычным планам изменять не собиралась. Получив эсэмеску по телефону, я отправилась в гараж и выгнала машину на улицу. Заведя мотор своей мазды, я вырулила на трассу и направилась прямиком в аэропорт.

Припарковавшись недалеко от главного здания, я вышла из машины и направилась к входу в зал ожидания. Встретиться мы договорились там.

— Здравствуй, Юлечка — сказала она, таща толстую сумку — еле долетела. Два раза рейс задерживали, и я устала торчать в этой духоте — она поцеловала меня в щёку. —

Здравствуйте, тётя Тома — давайте я помогу вам сумку поднести — вон моя машина. Поедем сразу ко мне? — Конечно, я так устала с этим перелётом. Ты машину купила? Как мама? — Всё

нормально у неё. Недавно по скайпу общались. У них всё хорошо. Только очень холодно там. А на машину дал мамин муж. У него денег куры не клюют. Он нефть качает. Он там у них какой-то начальник. И деньги каждый месяц присыпает. А то с моей зарплатой впору на панель идти. — Лишь бы ей нравилось. Ты замуж не вышла? — Нет пока. — Тебе двадцать пять. Пора бы уже. Жених-то есть? — Нет пока. Мы расстались. — Это плохо.

Мы уселись по местам и пристегнулись. Я вырулила с парковки и развернувшись, выехала на трассу. Машину покачивало и тётя задремала. Я изредка бросала на неё взгляды. Совсем такая же, как и раньше. И как в том самом сне про восьмое марта. Сейчас она устала и безмятежно спит. Но как всегда, она безупречна. Строгое спокойное лицо. Ухоженные руки. Сколько ей сейчас? Тридцать восемь? А выглядит едва за тридцать. Следит за своей фигурой. И тоже разведёнка, как в своё время моя мамаша. Только нет у неё никого постоянного уже как лет пять. Странно. Да и ладно. Её жизнь — это её жизнь. Я вспомнила, что сегодня пятница, и припарковалась возле Табриса. Побродив между полок и витрин, я по привычке набрала выпивки-закуски. Вернувшись на стоянку я подошла к машине и засунула звенящие кульки в багажник. Тетя уже не спала. Усевшись за руль, я завела машину и мы поехали домой. — Юля, зачем ты столько бутылок набрала? Ты что, пьёшь? Твоя мать говорила, что в последнее время ты стала напиваться. Я привезла коньяк, нам его за глаза хватит выпить за встречу. — Я не люблю коньяки. Мне нравятся красные полусладкие вина. — Ты любишь пить вино? — Иногда. А так я всё время торчу в своей поликлинике, писаницы по горло, ну и часто за рулём. Наша работа — сплошная писаница. Сейчас не важно, как ты лечишь, важно как напишешь. А накосячишь в писульках — и те копейки отберут. На кого шесть лет училась? На писарчука-здрота! — А-а, ну ладно.

Я вспомнила нашу предыдущую встречу. Я жила ещё с матерью, но замуж она уже вышла, и паковала чемоданы. Тётя Тома тогда приехала из аэропорта на такси. Как всегда, мы сидели за столом и отмечали её приезд. Тётя, привыкшая командовать везде, руководила и распоряжалась, кому сколько надо поесть и выпить. Блин, припёрлась и сразу же тут раскомандовалась. То не так, это не то, а вон того будет слишком много. Она не меняется со временем, и опять тут указывает, кому чего и сколько. За эти начальственные замашки порою я готова была её просто убить. Но холодный строгий взгляд почему-то не позволял мне ей перечить, и я всегда делала так, как она говорила. Иногда я вдруг ловила себя на мысли, что подчиняться-то мне нравится! Именно ей. Я мать свою так никогда не слушалась. И её тон, не оставляющий выбора. Тем не менее, стройная, с красивыми ногами и тонкой талией, моя тётя вызывала у меня восхищение. Мы разговаривали, ну и конечно же выпивали. Тётя угадала, потому что в нашу строгую учительницу я была тогда безнадёжно влюблена и мечтала о нижней близости с ней. — Ну да, но я ничего не замечала, ничего, что было бы с этим связано. — Дай бог, чтобы так и было, но всё-же не помешает сводить её к психологу. Впоследствии мама меня никуда не повела и сказала, что сейчас такие психологи, что сами нанесут моральную травму даже здоровому ребёнку. И не в деньгах дело. Если и есть какие-то отклонения, то с возрастом они сами пройдут. Появятся дети, начнутся пелёнки-распашёнки, и вся дурь испарится, сразу станет не до экзотики.

С каждым годом я взрослела, а тётя по-прежнему приезжала к нам в свои командировки. Она прекратила заниматься моим воспитанием, когда я стала совершеннолетней. Тетя считала, что если я что-то недополучила в детстве, то сейчас исправлять уже поздно. Детство моё закончилось, и я вступила во взрослую самостоятельную жизнь. И удалось ли меня воспитать

как надо — покажет время. Теперь она общалась со мной постольку-поскольку. Она знала, какие чувства я к ней испытываю. Временами я подавала ей знаки, бросала намёки на сексуальную близость с ней в отсутствие моей матери, но она пресекала все мои попытки и поползновения. Когда она уезжала, я начинала тосковать, и рыдала по ночам в подушку. Со временем чувства мои притуплялись. Теперь же я жила одна, но тётка в гостиницу не поехала. Она прилетела на пару недель, и всё равно решила остановиться у меня. Ещё в аэропорту я заметила, что она не в обычных своих строгих брюках, а в юбке-карандаш, и туфлях на каблучках. Она выглядела совсем сексуально, и я догадывалась, что нарядилась она для меня. Открывая дверь машины и приглашая её садиться, я отметила как сексуально она ставит ноги на пол, даже не пытаясь поправить задравшуюся юбку. Когда я сидилась за руль, она многообещающе на меня посмотрела. И как всегда властно. Вот она, царица Тамара во всей красе. Что, с самого начала дразнит? Или опять издевается в своей дурацкой манере? Мы сидели за столом, как всегда по традиции отмечая её приезд. И в первый раз уже без мамы. Я связалась с ней по скайпу и мы долго общались. В конце нашей беседы мама сказала мне, чтобы я с тёти не ругалась и была с ней поласковее. Что она имела в виду? Не повежливей, а именно поласковей. Оговорилась? Возможно. — Юля, ты почему салат пересолила? — Да вроде всё нормально. — Ты же знаешь, что я не ем солёного. Ты что, опять себе наливаешь? — Могу же я в пятницу расслабиться. — Пристраститься к алкоголю не боишься? — Что хочу, то и делаю — я была уже поддатая, и останавливаться не собиралась. — Я прошу тебя, не пей больше. — А меньше можно?

Тут я сдерзила и тётя замолчала. Я поставила её в неловкое положение, потому что воспитывать она меня уже не могла. Она никогда не изменяла своим принципам. Я смотрела на неё с торжеством, и понимала, что воспитание моё ушло в прошлое. Налив очередную рюмку, я поднесла её ко рту, но выпить так и не пришлось. Тётя сидела напротив, и твёрдым пронизывающим взглядом смотрела на меня. И вдруг я почувствовала у себя между ног, как мягкая, тёплая, затянутая в тонкий чулок стопа гладит меня под столом вдоль бедра и постепенно продвигается к промежности. От неожиданности я вздрогнула, и рука с наполненной рюмкой повисла в воздухе. Я ошарашенно смотрела на тётку, но на её каменном лице не читалось абсолютно ничего. Она просто смотрела прямо мне в глаза и продолжала двигать вперёд свою ногу.

Пальцы стопы оказались у меня на половых губках, и я вздрогнула ещё раз. Прикосновение было ласковым и неотвратимым. Какое-то время я неподвижно сидела, и опустив глаза, боялась шевельнуться. Нежные пальцы какое-то время покоились на моей промежности. Затем они пришли в движение и приласкали несколько раз вдоль влажных губок. Вспышка страстного желания тут же наполнила каждую клеточку моего тела и сладкой истомой отозвалась внизу живота. Глубоко вздохнув, я тут же потекла, и неловко поставила рюмку на стол, наполовину расплескав содержимое. Тетя тем временем убрала ногу и встала из-за стола. Подойдя ко мне, она молча взяла меня за подбородок и приподняла вверх. Теперь она повелительно смотрела на меня и молчала. Затем переместила руку мне на щёку и медленно гладила по лицу. Мягкая ладошка сользила по моей щеке, а она строго и бесстрастно продолжала смотреть мне в глаза. Я не шевелилась, и от её ласки испытывала совсем не родственные тёплые чувства. Во мне разгоралась страстная похоть, и медленно захватывала всю мою порочную сущность. Передо мной стояла властная госпожа и гладила меня по щеке. — Ты мне хамишь — тихо сказала тётя — ты отдаёшь отчёт своим словам? Отвечай. — Да я

просто хотела выпить. — Теперь ты этого не сделаешь. И за дерзость я тебя накажу. — Но ведь вы больше не можете меня воспитывать. — Ещё как могу. И с этими словами она перестала гладить меня за лицо и жёстко хлестнула меня по щеке. — А ну-ка живо на колени — вдруг приказала она. Тётя, словно хищная кобра смотрела на меня повелительным гипнотизирующим взглядом, а я как обречённая добыча понимала, что сделаю всё, что она от меня потребует.

Я опустила голову и смотрела вниз на её стройные ноги. Мы были одни, и теперь я догадывалась что сейчас произойдёт. Неужели она мне наконец даст то, о чём я мечтала в своих снах. — Я сказала — на колени — и новая пощёчина обожгла мне лицо — тебе ведь это нравится. Отвечай. — Да — сказала я, и это означало моё признание. — Тогда чего медлишь. На колени. И я покорно опустилась перед ней на пол. — Теперь ты никогда не будешь пить и бросаешь курить. А сейчас марш ко мне под юбку.

Взяв меня крепко за волосы, она притянула мою голову к себе между ног. И снова, как в тот раз этот волнующий запах. Как же я тосковала по этому, и сколько раз растирала себе интимные места. Но только теперь во мне поднималась настоящая животная страсть. Дыхание моё сбилось, и я приласкала языком её промежность через тонкие трусы. Наверное, тётя спланировала всё заранее и никаких колготок не надела. Тётя часто общалась с мамой по телефону и знала о моём пристрастии к алкоголю. Она говорила о том, что так я сопьюсь совсем, и отучить её не поздно. Что она знает, как это сделать и из двух зол надо выбирать меньшее. Теперь она стояла передо мной в обтягивающих чулочках, и крепко фиксировала мою голову, надёжно ухватив за волосы. От заветной щёлки меня отделяла лишь тонкая ткань. Я буквально сходила сума от вожделения, и руки сами теперь потянулись вверх. Одну руку я положила на её упругую атласную кожу бедра, а второй отодвинула полоску трусов. Передо мной дышало страстью её аккуратное влагалище, и оно источало влагу. Она тоже меня хочет! Возможно, хотела всегда. Какая железная выдержка. Просто стальные нервы. — Ну — так же тихо и строго сказала тётя — приступай. Теперь, пока я здесь, туалет моей писи будет твоей ежедневной обязанностью. И не дожидаясь моих ответных действий, она перехватила мои волосы в другую руку, а освободившуюся опустила мне под блузку. Я почувствовала, как нежные пальцы ласкают мой упругий сосок, и возбудилась ещё больше. Я застонала и начинала дрожать, а тётя наконец притянула меня к промежности. Я почувствовала на лице скользкую влагу, и застонала ещё раз. Язык сам собой выскочил изо рта, и начал описывать круги вдоль расцветающих губок. И тётя тоже застонала. Это было в первый раз, и я не предполагала, что страсть во мне может так бушевать. Я думала, что есть какой-то предел сексуальным ощущениям, но они продолжали усиливаться. Я горела огнём порочной любви и внутри меня полыхало яростное пламя самой преисподней.

Постепенно проникая языком ещё дальше, я скользила вдоль твёрдого и пульсирующего клитора. Я лизала и сосала его так нежно, как только могла, а тётя стонала и двигалась навстречу. Приближался оргазм. Тётя Тома стонала всё громче и всё сильнее прижимала меня к себе за волосы. Она сжала их так, что от боли у меня потекли слёзы. Наконец она вскрикнула и выплеснула мне в лицо вязкую массу. Я кончила вместе с ней. По настоящему, в первый раз так, как никогда. Оргазм прокатился по моему телу подобно цунами, и яркой молнией отозвался в голове. Рука, сжимавшая мне волосы отпустила, и вновь погладила меня по щеке. Я продолжала стоять на коленях и тяжело дышала, а тётя отошла к дивану и уселась, закинув ногу на ногу. Она теперь оценивала результаты моего воспитания, а я смотрела вниз

и мне было стыдно. Да, ноги у неё дьявольски совершенны. Этого у неё не отнять. Я отышалась, и вруг ни с того ни сего разрыдалась. Слёзы сами брызнули из глаз с новой силой, а я как идиотка стояла на коленях, и громко всхлипывая, размазывала тушь по лицу. Тётя Тамара подошла ко мне и мягко подняла с колен. Усадив на диван, она обняла меня за плечи, и молча гладила по голове.

С тех пор я больше не пила. Тётя Тома через десять дней уехала, но эти десять ней были самыми счастливыми в моей жизни. Через месяц она обещала вернуться. В её городе филиал фирмы, в которой она работала закрывался, и тётя переводилась. Она пообещала, что как прилетит, сразу поедет ко мне. Мы провели с ней незабываемые дни, и я по-настоящему почувствовала себя счастливой. Что будет дальше — я не знала. Я понятия не имела, как сообщу матери о своей любовной связи с её младшей сестрой, но по большому счёту мне было на это глубоко наплевать. А может быть, они обе всё спланировали заранее? Я знала, что тётя скоро приедет, и мы снова будем вместе. Ну а сон, тот навязчивый сон про женский день. Я уж не знаю теперь, собирались ли мы тогда на праздничную пиццу на самом деле? Кода я в последний раз его видела? Да в аккурат перед последним тёткиным приездом. С тех пор он мне больше не снится. Даже не хватает чего-то.

ARHIMED